

06.05.15, 1730, 12.10.2012

В 42.50

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

ISSN 0869-6365

ООО "Редакция журнала "Новое литературное обозрение", Москва 2012
При перепечатке материалов ссылка на ООО "Редакция журнала
"Новое литературное обозрение" обязательна

литературное
НОВОЕ
обозрение

№ 116 (2012)

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ, КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Редакция

Ирина Прохорова (главный редактор)
Дмитрий Харитонов (история)
Оксана Тимофеева (теория)
Александр Скидан (практика)
Абрам Рейтблат (библиография)
Владислав Третьяков (библиография)
Кирилл Корчагин (хроника научной жизни)

Редколлегия

Константин Азадовский (Петербург)
Хенрик Баран (Олбани, Нью-Йорк)
Николай Богомолов (Москва)
Татьяна Венедиктова (Москва)
Томаш Гланц (Прага)
Ханс Ульрих Гумбрехт (Стенфорд)
Борис Дубин (Москва)
Виктор Живов (Москва / Беркли)
Александр Жолковский (Лос-Анджелес)
Андрей Зорин (Оксфорд / Москва)
Александр Лавров (Петербург)
Джон Малмстад (Кембридж, Массачусетс)
Александр Ошоват (Москва / Лос-Анджелес)
Пекка Песонен (Хельсинки)
Олег Проскурин (Москва)
Роман Тищенко (Иерусалим)
Евгений Тоддес (Рига)
Александр Эткинд (Кембридж / Петербург)
Михаил Ямпольский (Нью-Йорк)

МОСКВА

*Номер посвящается
21-й годовщине августовской революции 1991 года,
а также главным действующим лицам августа 2012 года:
Марии Алехиной, Надежде Толоконниковой
и Екатерине Самуцевич*

СЕМИОТИКА АВГУСТА В XX ВЕКЕ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖИЗНИ ЧАСТНОГО ЧЕЛОВЕКА В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНЫХ КАТАКЛИЗМОВ

I

AE 15958 : 1

A-6055659

Специальный выпуск

1 15, 243

АНТРОПОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПСИХОЗА

Господне Лето! ни шмелев ни шестов
такую не застали благостынь:
аресты в мае в райскую теплынь
в июле в пору дачного блаженства
конвейерный допрос, поток слепящей тьмы!
здесь папоротник цвел над протоколом
и торф горел подкожный и такого
гримасничанья девы-Костромы
не ведал даже ремизов со сворой
своей прелестной нечисти...

но вот
переломился август и народ
на освящение под крыло собора
антоновские яблоки несет —
и запредельна виза Прокурора
поверх постановления ОСО

Виктор Кривулин
ГОСПОДНЕ ЛЕТО

Ключевые слова: Первая мировая война, Германия, «августовское переживание», память

Ф. Б. Шенк

«АВГУСТОВСКОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ»: НАЧАЛО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ КАК ПОВОРОТНЫЙ ПУНКТ НЕМЕЦКОЙ ИСТОРИИ

Западный портал здания Рейхстага в Берлине украшает короткая, но выразительная надпись: «НЕМЕЦКОМУ НАРОДУ» («DEM DEUTSCHEN VOLKE»). Неоренессансный архитектор Поль Валло предложил установить ее еще в 1894 году, но лишь в декабре 1916 года она заняла свое место на фасаде здания¹. В этом же году кайзер Вильгельм II признал за немецким народом право легитимировать политическую власть. В контексте всего этого имеет смысл рассмотреть историческое событие, запечатленное в немецкой культурной памяти как «августовское переживание» (Augusterlebnis).

Этим словосочетанием современники и позднейшие историки пытались передать то чувство национального единения и воодушевления, с которым немецкий народ якобы встретил 1 августа 1914 года, объявление войны России и последовавшее за ним начало Первой мировой. Сообщение о надвигающейся военной угрозе (31 июля) и объявление о мобилизации на следующий день были встречены коллективным экстазом и патриотической эйфорией. По крайней мере так до последнего времени считалось в исторической науке. Некогда враждебные друг другу политические группы с энтузиазмом объединились под милитаристскими лозунгами; рабочие и буржуа, крестьяне и интеллектуалы отправлялись на поля сражений с песнями и цветами в руках. Вильгельм II в своей знаменитой тронной речи, произнесенной 4 августа, провозгласил: «Я не признаю больше никаких партий, для меня теперь существуют только немцы»² — и таким образом, как можно предположить, высказал сокровенные мысли множества своих подданных. Долгое время считалось, что люди воспринимали начавшуюся войну как избавление, начало «нового времени», эру «нового гражданского мира» (Burgfrieden). По мнению историка Фридрих Майнеке, первого августа 1914 года «для всего мира и в особенности для немецкого народа началась новая историческая эпоха»³. Эта дата до сих пор воспринимается как «поворотный момент» новейшей немецкой истории⁴.

1 Об истории здания Рейхстага и надписи на западном портале см.: Dem Deutschen Volke. Der Bundestag im Berliner Reichstagsgebäude / H. Wefing (Hrsg.). Bonn: Bouvier, 1999; Haubrich R. Dem Deutschen Volke. Das Reichstagsgebäude und andere Hauptstadtarchitekturen // Welt online. 1999. Juli 24. (<http://www.welt.de/print-welt/article578212/Dem-Deutschen-Volke.html>).

2 В первый раз Вильгельм II обратился с этими словами к воодушевленной толпе, собравшейся в день начала мобилизации перед Городским дворцом. См.: Nübel Ch. Die Mobilisierung der Kriegsgesellschaft. Propaganda und Alltag im Ersten Weltkrieg in Münster. Münster: Waxmann, 2008. S. 32. Текст речи см. в: Deutsche Quellen zur Geschichte des Ersten Weltkrieges / W. Bihl (Hrsg.). Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1991. S. 49.

3 См.: Meinecke F. Geschichte und öffentliches Leben // Der große Krieg als Erlebnis und Erfahrung / Ernst Jäckh (Hrsg.). Gotha: Perthes, 1916. Bd. 1. S. 18–26, особенно S. 18.

4 Wendepunkte deutscher Geschichte 1848–1990 / C. Stern, H.A. Winkler (Hrsg.). Frankfurt am Main: Fischer, 1994

Если попытаться найти месяц, на который чаще всего приходились исторические цезуры в Германии XX века, то таким месяцем будет не август, а, скорее, ноябрь, особенно девятое число этого месяца: 9 ноября 1918 года, во время Ноябрьской революции, перестал существовать кайзеровский рейх; в 1923 году во время пивного путча Гитлер попытался в первый раз захватить власть; в 1938 году устроенная нацистами «хрустальная ночь» повлекла за собой волну антиеврейского насилия; наконец, 9 ноября 1989 года пала Берлинская стена. С этой точки зрения 9 ноября кажется наиболее важным и символическим днем новейшей истории Германии⁵. Однако и для августа есть место в немецкой истории — прежде всего с этим месяцем связано начало Первой мировой войны⁶. Что же именно позволяет считать август определяющим для новейшей истории Германии? Подтверждают ли исторические источники тезис о том, что «августовское переживание» охватило все общество целиком? Или же мы имеем дело только с искаженными ощущениями и впечатлениями современников и последующими стилизациями историков? Для каких общественных групп и социальных слоев август 1914 года действительно стал историческим переломом и можно ли говорить о том, что для некоторых частей немецкого общества все осталось как прежде? В этой статье мы попытаемся в общих чертах ответить на эти вопросы.

* * *

Исходной точкой наших размышлений о значении августа 1914 года в новейшей истории Германии служит обобщение предположений Райнхарда Козеллека, различавшего исторические «события» и «структуры»⁷. По Козеллеку, события «ex post изымаются [историками] из бесконечности происходящего и впоследствии могут восприниматься частью современников как связанное целое, как единство [в нашем случае как поворотный момент истории. — Ф.Б.Ш.]». И если «событие» поддается пересказу и однозначно локализуется во времени, то в случае «структур» хронологические границы оказываются менее принципиальными. Структуры, по Козеллеку, можно рассматривать как контексты или «взаимосвязи», исключительно важные для исторических процессов — они не возникают в результате простого нанизывания событий. Структуры, по определению, отличаются особой длительностью и устойчивостью, тем, что изменения в них протекают в более широких временных рамках. Вместе с тем временная протяженность исторической структуры отчасти «пересекает границы того хронологически регистрируемого пространства (Erfahrungsraum) человеческого опыта, в котором имеет место событие». Структуры, описание которых можно найти уже

(в особенности статья Готфрида Шрамма); Deutsche Zusammen. Systemwechsel seit 1806 / A. Gallus (Hrsg.). Köln: Böhlau, 2006 (здесь поворотным моментом представлен не 1914 год, а революция 1918–1919 годов).

5 Der 9. November. Fünf Essays zur deutschen Geschichte. 2. Auflage / J. Wilms (Hrsg.). München: C.H. Beck, 1995.

6 Другие ключевые события немецкой истории, случившиеся в августе: 19 августа 1934 года — всенародный референдум о слиянии должности рейхсканцлера и президента, занять которую должен был Адольф Гитлер («за» — 89,93%); 13 августа 1961 года — строительство Берлинской стены.

7 Koselleck R. Darstellung, Ereignis und Struktur // Idem. Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1989. S. 144–157.

у Фернана Броделя⁸ и теоретиков школы «Анналов» под именем *longue durée*, объединяют, например, виды господства, конstellации «друзей и врагов», бессознательные формы поведения, уклад супружеской жизни, привычки или правовые системы. «Если события производятся и переживаются отдельными субъектами, то структуры как таковые надиндивидуальны и интересобъективны».

Тем самым два вопроса, сформулированные редакцией «Нового литературного обозрения»: «Как в стихийном процессе нормализации жизни в ключевых моментах мировых катаклизмов XX века частный человек осмысляет и воссоздает свое бытие во всей совокупности личных и социальных связей?» и «В каких сферах жизни частного человека произошли радикальные изменения?», с нашей точки зрения, соотносятся с характерным смысловым напряжением между историческим *событием* и *структурой*. Нет никакого сомнения, что жители Германии, так же как и их современники во Франции, Англии, России, воспринимали начало Первой мировой войны как историческое событие эпохального масштаба. Дискурс современников об «августовском переживании» оставил нам красноречивые свидетельства такого восприятия. Однако радикальные *структурные* изменения в политике, культуре, обществе, к которым в средне- и долгосрочной перспективе в итоге привела мировая война, не могли быть предсказаны современниками. «Война казалась событием, а оказалась состоянием, длившимся для всего немецкого общества более чем четыре года»⁹. Юрген Острехаммель пишет: «Только когда война закончилась, к людям пришло осознание, что они уже не живут в XIX веке»¹⁰. Только при наличии временной дистанции можно ответить на вопрос, какие исторические структуры действительно изменились с началом Первой мировой войны, какие сферы жизни были захвачены этой трансформацией (а какие, напротив, остались нетронутыми) и в какой степени «горизонты ожиданий» (по Козеллеку) современников соотносятся с дальнейшим историческим развитием.

* * *

Сообщение о мобилизации, напечатанное во всех вечерних газетах страны 1 августа 1914 года, во многих городах вызвало волну патриотического воодушевления. Уже в последнюю неделю июля, когда конфликт между Австро-Венгрией и Сербией был готов перерасти в силовое противостояние европейских держав, по всей стране исполненные любопытства люди собирались у дверей редакций и мест, где вывешивались свежие газеты, чтобы узнать последние политические новости. Заявление об отказе Сербии принять ультиматум Австро-Венгрии 25 июля вызвало в Берлине и других городах спонтанные патриотические демонстрации и митинги. Студенты и другие националистически настроенные группы граждан скандировали на улицах и

8 О трехступенчатой модели временных структур у Броделя («longue durée», «конъюнктуры» и «события») см.: Raphael L. Longue durée // Lexikon Geschichtswissenschaft. Hundert Grundbegriffe / S. Jordan (Hrsg.). Stuttgart: Reclam, 2002. S. 202–204.

9 Daniel U. Arbeiterfrauen in der Kriegsgesellschaft. Beruf, Familie und Politik im Ersten Weltkrieg. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1989. S. 23.

10 Osterhammel J. Die Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts. München: C.H. Beck, 2009. S. 88.

в кафе воинственные лозунги¹¹. Когда кайзер Вильгельм II с балкона Берлинского замка объявил о начале мобилизации и провозгласил внутриполитический «гражданский мир», его воодушевленно приветствовали десятки тысяч людей¹². Когда социал-демократы, составляющие своими 110 депутатами самую большую фракцию рейхстага, одобрили немецкие военные займы и отказались от предыдущего антивоенного курса, казалось, что эпоха ожесточенной политической борьбы миновала. Во время формирования воинских частей, в августе, на военную службу было призвано свыше 4 млн мужчин, и это не вызвало никакого противодействия со стороны населения. Напротив, на фронт отправилось свыше 180 тыс. добровольцев¹³.

Фотографии увенчанных цветами солдат и женщин, провожающих их на вокзалах, вскоре замелькали на открытках и газетных разворотах. Казалось, вся страна сплотилась перед лицом предстоящей битвы с общим врагом. После сообщений о первых победах немецкой армии патриотическое воодушевление было практически безграничным и повсеместным. Даже в рабочих кварталах Берлина, до недавнего времени — главных оплотах интернационализма, на фасадах домов 2 сентября (годовщина победы в битве при Седане 1870 г.) можно было увидеть патриотические черно-бело-красные флаги. Это также было время языкового пуризма: французским и английским словам по всей стране был объявлен бой — например, они изгонялись из названий кафе и ресторанов. В начале августа стали распространяться слухи о вражеских диверсиях, что привело к повсеместной охоте на (предполагаемых) русских шпионов. Эта волна слухов одновременно выражала «августовские переживания» и подкрепляла их¹⁴.

Новости и картины тех дней производили на современников весьма сильное впечатление, и пресса создавала для этого исторического момента особую ауру, стилизуя военное воодушевление немцев под «священный гнев»¹⁵. Как писал журналист газеты «Tägliche Rundschau» 2 августа: «То, что пережила Германия в эти дни, — великое чудо самообновления, отбрасывания всего мелочного и чуждого, своего рода могущественное пробуждение национального характера»¹⁶. Несколько дней спустя в той же газете мы читаем следующее: «Об этой неделе августа будут говорить до тех пор, пока существует немецкий народ и звучит немецкая речь. Картины и голоса этой недели будут сопровождать жизнь всякого, кто был ее свидетелем»¹⁷. В начале августа, как отмечали многие очевидцы, немцы впервые пришли к своего рода «народному единству». «Предрассудки пали, заблуждения были рассеяны, люди, между которыми, казалось, пролегал Гималаи, признали друг в друге соотечественников. <...> Времена изменились, и люди изменились вместе с ними.

11 Ср.: Verhey J. Der «Geist von 1914» und die Erfindung der Volksgemeinschaft. Hamburg: Hamburger Edition, 2000. S. 54–64.

12 Вильгельм II не использовал понятия «гражданский мир» в своей знаменитой августовской речи. Впервые оно появилось в середине августа в одном из посланий Генерального штаба. Ср.: Verhey J. Der «Geist von 1914». S. 239.

13 Verhey J. Der «Geist von 1914». S. 168.

14 Daniel U. Arbeiterfrauen in der Kriegsgesellschaft. S. 25.

15 Traum G. Heilige Gegenwart // Illustrierte Zeitung. Leipzig. 1914. № 211. August 27. S. 3; цит. по: Verhey J. Der «Geist von 1914». S. 11.

16 Tägliche Rundschau. 1914. № 358 (Morgen). August 2. S. 1; цит. по: Verhey J. Der «Geist von 1914». S. 12.

17 Цит. по: Verhey J. Der «Geist von 1914». S. 12.

Война — это великое разрушение и вместе с тем — великое обновление. Она разрушает, и она же созидает», — констатирует либеральный журналист Гельмут фон Герлах в декабре 1914 г.¹⁸

«Августовские переживания» завладели умами многих немецких интеллектуалов. Выдающиеся писатели и поэты, такие как Георг Гейм или Томас Манн, ощущали войну как очистительное приключение, долгожданное избавление от банальной и бессодержательной рутины мирного времени¹⁹. Так, теолог Эрнст Трельч провозглашал «великолепное единство жертвенности, братства, веры, уверенности в победе, которое было захватывающим переживанием того незабываемого августа и остается им до сих пор»²⁰, а писатель Стефан Цвейг отмечал в своих мемуарах:

Правды ради надо признать, что в этом первом движении масс было нечто величественное, нечто захватывающее и даже соблазнительное, чему лишь с трудом можно было не поддаться. И несмотря на всю ненависть и отвращение к войне, мне не хотелось бы, чтобы из моей памяти ушли воспоминания об этих днях. Как никогда, тысячи и сотни тысяч людей чувствовали то, что им надлежало бы чувствовать скорее в мирное время: что они составляют единое целое²¹.

Опыт национального единства и сплоченности, так же как и военное воодушевление и уверенность в победе в первые недели августа объединяло то, что современники этих событий впоследствии называли «духом 1914 года» (Geist von 1914). Правительство Германии, безусловно, было не прочь сохранить этот «дух» и для грядущих лет войны.

* * *

Изучение того, как люди в Германии переживали и воспринимали начало войны в августе 1914 года, тесно связано с проблемой исторических источников. Историки, наряду с воспоминаниями, дневниками, письмами и фотографиями для реконструкции общественного мнения используют также прессу тех дней. Однако газетные сообщения о реакциях людей на последние политические новости, как правило, не только документировали общественное мнение, но и старались формировать его по мере возможности. Когда в конце июля 1914 года международный политический кризис приобрел особую остроту, пресса всеми силами подогревала интерес людей к сенсациям бесконечными экстренными выпусками, содержащими подчас откровенно ложную информацию и разнообразные слухи. «Обрушившаяся волна сообщений <...> подстегивала страсти, заглушая голос ясного рассудка и чи-

18 Gerlach H. von. Das Jahr des Umsturzes // Die Welt am Montag. 1914. № 52. August 28. S. 1 f.; цит. по: Verhey J. Der «Geist von 1914». S. 17.

19 Stromberg R.N. Redemption by War. The Intellectuals and 1914. Lawrence: The Regents Press of Kansas, 1982; Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 4: 1914–1949. Vom Beginn des Ersten Weltkrieges bis zur Gründung der beiden deutschen Staaten. München: C.H. Beck, 2003. S. 14–21.

20 Troeltsch E. Der Kulturkrieg. Rede am 1. Juli 1915. Berlin: Carl Heymanns Verlag, 1915. S. 26.

21 Цвейг С. Вчерашний мир: Воспоминания европейца / Пер. Г. Кагана. М.: Радуга, 1987 (http://belousenko.com/books/Zweig/Zweig_Vcherashnii_Mir.rar).

стого разума», — критически констатировали некоторые современники²². На этом фоне особенно отличалась консервативная печать, стремившаяся придать событиям недвусмысленный патриотический оттенок.

На время военного положения пресса должна была подчиняться особой военной цензуре. Любая попытка «разрушить единство немецкого народа партийно-политическими выступлениями», по крайней мере в теории, должна была быть «энергично» подавлена²³. Изложения событий, в которых наблюдались расхождения с официальным нарративом о «духе 1914 года», больше не должны были публиковаться. Однако большинству газет не пришлось столкнуться с цензурой лицом к лицу — они и так делали все для поддержания патриотических настроений. При этом не только завышалось число добровольцев, но и, с помощью слухов и ложных сведений, в обществе поддерживался страх перед различного рода шпионами и диверсантами. Можно сказать, что именно издатели газет, о которых не стоит забывать при анализе общественного мнения, стали настоящими победителями в Первой мировой войне — многие печатные издания в эти месяцы смогли удвоить свои тиражи.

Без сомнения, известия о патриотических демонстрациях и национальном подъеме в периодике конца июля и начала августа содержат в себе долю истины. Как и граждане других стран — участниц войны, многие немцы верили в официальную версию событий: европейские державы вынудили Германию обороняться²⁴. К тому же многие солдаты надеялись на скорую победу Германии, полагая, что уже к Рождеству они окажутся дома рядом со своими близкими.

Коллективное представление об общем враге порождало уверенность в том, что залогом победы является именно национальное согласие. Наряду с Англией и «кровным врагом» Францией, таким несомненным врагом оказывалась и царская Россия, страх перед которой объединил все политические лагеря. В конце июля не только консервативная газета «Kreuz-Zeitung» достала из бабушкиного сундука обветшалые лозунги об «азиатской России» и предстоящей борьбе цивилизованного германского и варварского славянского начал: так, писавший для многих социал-демократических газет журналист Фридрих Штампфер опубликовал статью, в которой недвусмысленно заявлял: «Мы не хотим, чтобы наши жены и дети стали жертвами казачьих зверств»²⁵. Другие

левые издания в те дни писали о наступлении «полуварварских орд» и призывали к защите страны от «кровавого» или «преступного царизма»²⁶. То, что уже Карл Маркс и Август Бебель предельно критически высказывались об авторитарном режиме царской России, позволило ведущим социал-демократам с легкостью влиться в общий поток антирусских выступлений и присоединиться к патриотическому дискурсу. В то же время немецкий рейхсканцлер Теобальд фон Бетман Холлвег прилагал значительные усилия к тому, чтобы Россия воспринималась немецким обществом исключительно в качестве агрессора. Это должно было помочь мобилизовать социал-демократов и рабочий класс, привлечь их к участию в новой «народной войне». Когда российское правительство 30 июля объявило о всеобщей мобилизации, руководство немецкой социал-демократической партии во многом разделило официальную точку зрения: 4 августа партия одобрила военные займы, заявив, что ввиду «железного факта войны», «ужасов вражеского вторжения» и опасности «русского деспотизма» невозможно поступить иначе, так как нация нуждается в защите²⁷. Характерный для левого политического фланга лозунг «Долой царизм!» имел сильный мобилизующий эффект: один из членов СДП вспоминал впоследствии о «миллионах своих соотечественников, социал-демократах, вставших под государственные знамена»²⁸.

* * *

Вопрос, почему руководство СДП в начале августа 1914-го вопреки своему предыдущему интернационализму и решительному антимилитаризму поддержало в немецком парламенте введение военных займов (на фракционном голосовании 14 депутатов подчинились решению фракции), занимает историческую науку уже почти сто лет²⁹. Гуго Гаазе, один из двух председателей СДП, несмотря на личные убеждения последовавший на историческом голосовании 4 августа за своей фракцией, за два года до этого провозглашал на

22 Volkswille (Hannover). 1914. Juli 29. S. 3; цит. по: Verhey J. Der «Geist von 1914». S. 73. Ср. также текст Карла Крауса «In dieser großen Zeit» (1914) в: Kraus K. Weltgericht. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1988. S. 9–24, особенно S. 16.

23 Распоряжение Генерального штаба от 13 августа 1914 года; Verhey J. Der «Geist von 1914». S. 239. Об ограниченной эффективности цензуры: Müller S.O. Die Nation als Waffe und Vorstellung. Nationalismus in Deutschland und Großbritannien im Ersten Weltkrieg. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2002. S. 59.

24 Rümp R. Der «Geist von 1914» in Deutschland. Kriegsbegeisterung und Ideologisierung des Krieges im Ersten Weltkrieg // Ansichten vom Krieg. Vergleichende Studien zum Ersten Weltkrieg in Literatur und Gesellschaft / B. Hüppauf (Hrsg.). Hain; Hanstein: Forum Academicum, 1984. S. 1–30, особенно S. 5; Kruse W. Kriegsbegeisterung? Zur Massenstimmung bei Kriegsbeginn // Eine Welt von Feinden. Der grosse Krieg 1914–1918 / W. Kruse (Hrsg.). Frankfurt am Main: Fischer, 1997. S. 159–166, особенно S. 161.

25 Цит. по: Miller S. Burgfrieden und Klassenkampf. Die deutsche Sozialdemokratie im Ersten Weltkrieg. Düsseldorf: Droste Verlag, 1974. S. 54.

26 Essener Arbeiterzeitung. 1914. August 8.; Münchener Post. 1914. August 1.; цит. по: Miller S. Burgfrieden und Klassenkampf. S. 55. Также: Hamburger Echo. 1914. Juli 7.; цит. по: Ullrich V. Vom Augusterlebnis zur Novemberrevolution. Beiträge zur Sozialgeschichte Hamburgs und Norddeutschlands im Ersten Weltkrieg 1914–1918. Bremen: Donat Verlag, 1999. S. 15.

27 Декларация социал-демократической партии, посвященная началу войны и представленная председателем фракции Гаазе в рейхстаге (4 августа 1914 года), опубликована в: Huber E.R. Dokumente zur deutschen Verfassungsgeschichte. Stuttgart: Kohlhammer Verlag, 1961. Bd. 2. S. 456–457. Также см.: Scheidemann Ph. Memoiren eines Sozialdemokraten. Hamburg: Severius Verlag, 2010. Bd. 1. S. 207.

28 Haenisch K. Die deutsche Sozialdemokratie in und nach dem Weltkrieg. Berlin: C.A. Schwetschke & Sohn Verlagsbuchhandlung, 1919. S. 23.

29 Ср., например: Groh D. Negative Integration und revolutionärer Attentismus. Die deutsche Sozialdemokratie am Vorabend des Ersten Weltkrieges. Frankfurt am Main: Propyläen, 1973; Miller S. Burgfrieden und Klassenkampf; Rojan J. Arbeiterbewegung und Kriegsbegeisterung: Die deutsche Sozialdemokratie 1870–1914 // Kriegsbegeisterung und mentale Kriegsvorbereitung. Interdisziplinäre Studien / M. van der Linden, G. Mergner (Hrsg.). Berlin: Duncker & Humblot, 1991. S. 57–71; Kruse W. Krieg und nationale Integration. Eine Neuinterpretation des sozialdemokratischen Burgfriedenschlusses 1914/1915. Essen: Klartext Verlag, 1993.

Базельском Конгрессе сторонников мира Второго социалистического интернационала, что «интернациональный пролетариат до глубины души ненавидит войну» и что в случае войны не следует рассчитывать на горячую поддержку рабочего класса³⁰. Еще 25 июля 1914 года СДП опубликовало в газете «Vorwärts» следующее сообщение:

Мы не должны жертвовать ни каплей солдатской крови австрийским властителям с их жадой господства и империалистическим стремлением к наживе. Товарищи по партии, мы призываем вас немедленно на массовых собраниях выразить непоколебимую волю к миру классово-сознательного пролетариата. <...> Повсюду власти предрежащие должны слышать наш призыв: «Мы не хотим войны! Долой войну! Да здравствует интернациональное братство народов!»³¹

В следующие дни этому призыву последовало около 750 тыс. человек³².

Без сомнения, союз социал-демократов и военно-политического единого фронта был одним из поворотных моментов истории немецкого рабочего движения³³. Поддержка национальной политики, согласно господствующей исторической интерпретации, должна была освободить СДП от стигмы врага государства и «создать предпосылки для позитивной интеграции, основанной на общественно-политическом равноправии»³⁴. Кроме того, депутаты СДП исходили из знаменитого высказывания Вильгельма II, процитированного нами выше, — в этих словах они видели предпосылку глобальной политической реформы. Фактически с официальным отказом от политической борьбы в консервативной прессе закончилась травля социал-демократов как «предателей родины». Газету «Vorwärts» теперь читали даже в казармах, а профсоюзы были признаны правительством легальными организациями с широким кругом прав³⁵. Проголосовав за военные займы, социал-демократы перестали быть политическими париями и получили в либеральных и консервативных кругах статус политической силы, осознающей свою ответственность перед народом и государством. Голосование 4 августа, согласно одной из интерпретаций, было центральным условием для включения СДП в правительство после падения кайзерского режима 1918 года³⁶. Это голосование, кроме прочего, вызывало опасность раскола партии³⁷. Контуров этого

30 Engelmann D., Naumann H. Hugo Haase. Lebensweg und politisches Vermächtnis eines streitbaren Sozialisten. Berlin: Edition Neue Wege, 1999. S. 20; Gegen den Krieg. Der Basler Friedenskongress 1912 und seine Aktualität. Basel: Chr. Merian Verlag (в печати).

31 Vorwärts. 1914. Juli 25. Extra-Ausgabe; цит. по: Rürup R. Der «Geist von 1914». S. 8.

32 Kruse W. Die Kriegsbegeisterung im Deutschen Reich zu Beginn des Ersten Weltkrieges. Entstehungszusammenhänge, Grenzen und ideologische Strukturen // Kriegsbegeisterung und mentale Kriegsvorbereitung. Interdisziplinäre Studien / M. van der Linden, G. Mergner (Hrsg.). Berlin: Duncker & Humblot, 1991. S. 73–87, особенно S. 74.

33 Kruse W. Krieg und nationale Integration. S. 9.

34 Ibid. S. 224.

35 Haenisch K. Die deutsche Sozialdemokratie... S. 34.

36 Schramm G. 1914: Sozialdemokraten am Scheideweg // Wendepunkte deutscher Geschichte 1848–1990 / C. Stern, H.A. Winkler (Hrsg.). Frankfurt am Main: Fischer-Taschenbuch-Verlag, 1994. S. 71–97.

37 Groh D. Negative Integration und revolutionärer Attentismus. S. 727.

раскола наметились уже 2 декабря, когда Карл Либкнехт отказался поддерживать дальнейшее предоставление военных займов. В марте 1916 года 18 депутатов СДП поддержали курс Либкнехта и проголосовали против проекта бюджета, предложенного правительством. В апреле 1917 года эта радикальная группа окончательно откололась от партии и образовала Независимую социал-демократическую партию Германии.

Сложно сказать, действительно ли вотум СДП в рейхстаге 4 августа соответствовал воле четырех миллионов ее членов или, как утверждает Ленин, имела место «вопиющ[ая] измен[а] <...> парти[и] своим убеждениям»³⁸. Активное участие рабочего класса в антивоенных демонстрациях СДП последних дней июля, кроме прочего, указывает на то, что множество избирателей СДП следили за внешнеполитическими событиями с беспокойством, а решение руководства СДП поддержать политику правительства было вызвано специальными соображениями и тактическим расчетом. Это решение, по всей видимости, не связано с ростом милитаристских и националистических настроений рабочих³⁹. Напротив, политика партийного руководства привела к тому, что обескураженные последователи СДП восприняли войну как необходимость, без особого воодушевления⁴⁰.

Несмотря на это, социал-демократические журналисты не смогли сопротивляться чарам исторического момента. Так, 11 августа 1914 года левая люнебургская газета «Volksblatt» констатировала «переломный момент мировой истории», который, по мнению редакции, как раз переживала Германия⁴¹. Социал-демократический «Volksfreund», издаваемый в Карлсруэ, уже 8 августа сообщал:

Мы все чувствуем это. Нечто невероятно страшное, но в то же время невероятно властное осуществляется на наших глазах. Понятия, которые мы считали незыблемыми, опрокидываются; потрясенный человек должен вновь осмысливать себя и общество. Грандиозное выступление всего народа увлекает за собой даже скептический дух; это великолепное зрелище, трагическое и благородное, захватывает нас. Мы переживаем мировую историю. Она пишется кровью и слезами: пугливо вступает беда, и смерть готовится к новой жатве, наиболее обильной за последние столетия. Гений человечества в знак траура покрыл свою главу, и никто из нас не способен уклониться от величия этих дней и недель⁴².

Даже Роза Люксембург была убеждена, что немцы в первые дни августа пережили «нечто настолько великое и новое, <...> что привычные масштабы надо оставить в прошлом»⁴³.

38 Ленин В.И. Крах II Интернационала // Он же. Полн. собр. соч. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. Т. 26. С. 211.

39 Rojan J. Arbeiterbewegung und Kriegsbegeisterung. S. 68; Kruse W. Krieg und nationale Integration; Ullrich V. Vom Augusterlebnis zur Novemberrevolution. S. 12.

40 Kruse W. Krieg und nationale Integration. S. 223. Ср. также: Rürup R. Der «Geist von 1914». S. 9.

41 Цит. по: Kruse W. Krieg und nationale Integration. S. 260.

42 Цит. по: Ibid. S. 96f.

43 Письмо к Паулю Леви, в дальнейшем председателю КПГ от 2 августа 1914 года; цит. по: Kruse W. Krieg und nationale Integration. S. 97.

Воспоминания об августе 1914 года еще долго сопровождали тех, кому довелось быть свидетелем этих дней. Социал-демократ Конрад Хэниш даже в 1919 году помнил о «чудесном, увлекающем за собой августовском переживании, которое ощутил весь немецкий народ»⁴⁴. Густав Штреземан, впоследствии — рейхсканцлер и министр иностранных дел, сформулировал в 1921 году: «Ни один народ не предстал перед Богом и мировой историей в такой чистоте, как немецкий народ в 1914 году. <...> Мы не смогли еще один раз найти подобное единство национального переживания. <...> Наша цель состоит в том, чтобы примирить все слои немецкого народа. Масса мыслит национально. Это доказал 1914 год»⁴⁵.

Долгое время историки принимали формулы «августовского переживания» за чистую монету и транслировали этот нарратив, не подвергая его сомнению. Эрик Дж. Лид в книге «No man's land» (1979) утверждал, что августовские события были моментом «последнего значимого воплощения народа как морального единства»⁴⁶. В «Немецкой истории» Томаса Ниппердэя (1992) отмечается, что «в августе 1914 года <...> немцы были захвачены волной милитаристского воодушевления. <...> Национальная солидарность в момент угрозы и кризиса была переживанием, созидующим общество. Война несла освобождение, была выходом из удушающей атмосферы напряжения, бюргерства и классового конфликта. Никто не мог абстрагироваться от этого “переживания” августа 1914 года: ни простые люди, рабочие или крестьяне, ни тем более бюргеры и интеллектуалы»⁴⁷.

Образ коллективного воодушевления конца июля — начала августа 1914 года, затрагивавший все слои общества и политические группы и сплавливавший их в некое «народное единство», в последние годы подвергся пересмотру. Многочисленные исследования современных историков подвергают сомнению реальность «августовского переживания», обращаясь к игнорируемым ранее социальным группам и территориям, изучая при помощи хронологического микроанализа развитие общественных настроений от июльского кризиса до начала августовской мобилизации⁴⁸. Несмотря на то что в этой неболь-

44 Haenisch K. Die deutsche Sozialdemokratie... S. 33.

45 Густав Штреземан на съезде либеральной немецкой народной партии (1921); цит. по: Verhey J. Der «Geist von 1914». S. 14.

46 Leed E.J. No Man's Land. Combat and Identity in World War I. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. P. 30.

47 Nipperdey T. Deutsche Geschichte 1866—1918. Bd. II: Machtstaat vor der Demokratie. München: C.H. Beck, 1992. S. 778 f.

48 Ср., например: Schwarz K. Weltkrieg und Revolution in Nürnberg. Ein Beitrag zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Stuttgart: Klett, 1971; Ullrich V. Die Hamburger Arbeiterbewegung vom Vorabend des Ersten Weltkrieges bis zur Revolution 1918/19. Hamburg: Lüdke, 1976; Idem. Kriegsallday. Hamburg im Ersten Weltkrieg. Köln: Prometheus Verlag, 1982; Stöcker M. Augusterlebnis 1914 in Darmstadt. Legende und Wirklichkeit. Darmstadt: Roether, 1994; Kruse W. Krieg und nationale Integration; Raithel T. Das «Wunder» der inneren Einheit. Studien zur deutschen und französischen Öffentlichkeit bei Beginn des Ersten Weltkrieges. Bonn: Bouvier, 1996; Ziemann B. Front und Heimat. Ländliche Kriegserfahrungen im südlichen Bayern 1914—1923. Essen: Klartext, 1997; Geinitz Ch. Kriegsfurcht und Kampfbereitschaft. Das Augusterlebnis in Freiburg. Eine Studie zum Kriegsbeginn 1914. Essen: Klartext, 1998; Verhey J.

шой статье невозможно во всей полноте отразить результаты подобных исследований, мы попытаемся в обобщенном виде представить некоторые аспекты этих новых интерпретаций.

Первое, не слишком впечатляющее наблюдение, присутствующее во многих новейших работах об «августовском переживании», заключается в том, что люди все же по-разному реагировали на сообщения о грозящей военной опасности и предстоящей мобилизации. В зависимости от общественного положения, пола, возраста, образовательного уровня и места проживания они выражали чувство национального воодушевления или, напротив, страх перед последствиями предстоящей войны. Например, в патриотических демонстрациях в Берлине и других крупных городах 25 июля и позже принимали участие в основном студенты, образованные граждане и буржуазия, тогда как за пределами города и в рабочей среде нельзя было заметить никаких признаков воинственного воодушевления⁴⁹. Активное участие социал-демократов в антивоенных выступлениях между 26 и 30 июля указывает на то, что рабочий класс все же надеялся на мирный исход⁵⁰. Объединяющим фактором в эти дни являлось, судя по всему, не чувство национальной общности и воодушевления, а состояние внутреннего напряжения и возбуждения, подпитываемое сенсационными сообщениями, дезинформацией и слухами⁵¹.

Второе наблюдение затрагивает динамику изменения настроений в Германии с начала июльского кризиса. Многие люди восприняли новость об объявлении войны и начале мобилизации как избавление от дней страха и гнетущего ожидания. «То, что называют воодушевлением масс, в подобных случаях представляет собой лишь разрядку невыносимого внутреннего напряжения»⁵², — писал Теодор Вольф, главный редактор либеральной газеты «Berliner Tageblatt», 1 августа 1919 года. Люди собирались на патриотические митинги, пели националистические песни, с восторгом приветствовали солдат и чествовали представителей правительства и армии, прежде всего в Берлине и других городских центрах. Но даже эти проявления милитаристского воодушевления ограничены пределами городского пространства и коммуникативных центров⁵³. Массовая эйфория начала августа затрагивала по преимуществу жителей наиболее престижных городских кварталов, в то время как средние слои и рабочие, а также сельское население и люди, проживающие на приграничных территориях государства, были охвачены страхом и паникой⁵⁴. Волна ура-патриотизма поднялась в стране только ко второй половине августа — вместе с сообщениями о первых немецких победах.

«Geist von 1914»; Müller S.O. Die Nation als Waffe und Vorstellung. S. 56—70; Bruendel S. Volksgemeinschaft oder Volksstaat. Die «Ideen von 1914» und die Neuordnung Deutschlands im Ersten Weltkrieg. Berlin: Akademie Verlag, 2003; Hoeres P. Krieg der Philosophen. Die deutsche und britische Philosophie im Ersten Weltkrieg. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2004; Nübel Ch. Die Mobilisierung der Kriegsgesellschaft.

49 Verhey J. Der «Geist von 1914». S. 61, 69, 75 f.

50 Kruse W. Krieg und nationale Integration. S. 30 ff.

51 Kruse W. Die Kriegsbegeisterung im Deutschen Reich zu Beginn des Ersten Weltkrieges. S. 75.

52 Wolff T. Der 1. August 1914 // Berliner Tageblatt. 1919. № 352 (Morgen). August 1. S. 1; цит. по: Verhey J. Der «Geist von 1914». S. 128.

53 Verhey J. Der «Geist von 1914». S. 191.

54 Ibid. S. 155, 159, 163.

Именно тогда впервые в истории столицы имперские флаги появились в «красных» рабочих районах. В целом эта фаза национального воодушевления длилась не более шести недель. С появлением на улицах городов первых раненых и публикацией списков погибших военная эйфория начала стремительно убывать⁵⁵.

Рассматривая третий аспект образа «августовских переживаний», следует обратиться к наблюдениям американского историка Джеффри Ферхай, который в фундаментальном исследовании «Дух 1914 года и изобретение немецкой народной общности» замечает, что предыдущие работы по данной теме в большинстве случаев интерпретировали стихийно возникавшие толпы людей в конце июля и начале августа как выражение патриотического воодушевления. Исследователь замечает, что массы в эти дни были охвачены не только патриотическими чувствами, но и любопытством, паникой и едва ощутимым карнавальным настроением. В конце июля можно было наблюдать, как собираются толпы в местах, где вывешиваются свежие газеты, как граждане массово скупают товары первой необходимости и забирают свои деньги из банков и сберегательных касс. Все это указывает не на всплеск патриотических чувств, а скорее на информационный голод и рассеянный в обществе страх перед реальностью и последствиями войны⁵⁶. К тому же патриотическое воодушевление новобранцев в первые дни войны можно интерпретировать как «вытесняющее» (*apprehensive enthusiasm*). Ясно, что многие мужчины пытались вытеснить свой страх перед войной и смертью пением патриотических песен⁵⁷. В эти дни, согласно Ферхаю, людьми управляло не воодушевление, а нервное предвкушение грядущей катастрофы⁵⁸.

В конечном счете ревизия «августовского переживания» в новейшей немецкой историографии связана с тем, что историки начиная с 1970-х годов все большее внимание уделяют свидетельствам людей, не принадлежавших к элите общества и привилегированным классам. Картина «августовского переживания», господствовавшая долгое время, сложилась не в последнюю очередь благодаря высказываниям и воспоминаниям интеллектуалов, а также сообщениям ежедневных газет. Историк, принимающий во внимание частные свидетельства людей из непривилегированных слоев общества, сталкивается с гораздо более сложной картиной. Например, начавшаяся война вызвала массовые увольнения, жертвами которых в первую очередь стали рабочие, мелкие служащие и женщины, зависящие от заработной платы мужей⁵⁹. Срочная мобилизация мужчин для огромного количества семей означала потерю источника дохода или значительное сокращение семейного бюджета. Цены на товары первой необходимости выросли из-за их массовой скупки и различных спекуляций, и это стало большим ударом по бедным слоям населения. Также страдали крестьяне: лошади, необходимые для сбора урожая, изымались в связи с мобилизационными нуждами.

Один молодой социал-демократ следующим образом описывал настроения рабочих кварталов в первые дни августа 1914 года: «Волнение народа растет, что выражается в панических давках возле сберегательных касс и продовольственных магазинов. Многие настолько мрачны, что, кажется, их при-

говорили к смертной казни»⁶⁰. Вот как описывал мобилизацию первых дней августа бременский социал-демократ Вильгельм Эйльдерман:

Везде царит похмельнейшее настроение, которое я вряд ли ранее переживал. Матери, жены, невесты, прочие родственники, плача, сопровождают молодых людей на поезда. У всех одно чувство: все ведет прямо к бойне. <...> Некоторые залили страх алкоголем. Они орут прощальные песни, никаких патриотических и воодушевляющих гимнов. Ни следа⁶¹.

Уже в октябре на улицах немецких городов нельзя было найти никаких следов августовской эйфории. В ноябре один священник констатировал отрезвление, охватившее жителей рабочих кварталов берлинского Моабита: «Настоящее воодушевление, я бы сказал, академическое воодушевление, которое могут позволить себе образованные люди, не имеющие нужды в хлебе насущном, кажется мне уже исчезнувшим. Народ мыслит вполне реально, нужда тяжким бременем лежит на людях»⁶².

* * *

С появлением первых раненых, оглашением списков потерь, новостями о первых поражениях и введением пайка на продовольственные товары общественная поддержка войны заметно снизилась. Стало понятно, в какой степени речи об «августовском переживании» были продиктованы желанием национального единства и сплоченности. В те дни правительство и правящие круги полагали, что, только если удастся достичь единства и снова пробудить «дух 1914 года» в немецком народе, можно будет победить в этой кровопролитной войне с превосходящим противником. Небольшой, но решающий вклад в поднятие патриотических настроений должно было внести обновление западного портала Рейхстага, где появилось то самое посвящение «НЕМЕЦКОМУ НАРОДУ». Уже в 1915 году один высокопоставленный служащий рейхсканцелярии с тревогой отмечал, что кайзер с каждым днем войны все более теряет поддержку народа. Этот чиновник предложил кайзеру установить на парламентском здании то самое посвящение, которое должно было служить знаком единства кайзера и всего немецкого народа. Вильгельм II, видимо, принял это предложение. Из металла двух французских пушек, захваченных во время «освободительной войны» 1812–1813 годов, в бронзолитейном цеху А. и С. Лёви были отлиты шестидесятисантиметровые буквы, украсившие фасад Рейхстага в декабре 1916 года⁶³.

Этот эпизод, относящийся к первым двум годам войны, отчетливо показывает, с каким ожесточением в Германии держались за «августовское пережи-

55 Ibid. S. 189.

56 Ibid. S. 86 ff., 130 f., 156.

57 Ibid. S. 179.

58 Ibid. S. 192.

59 Daniel U. Arbeiterfrauen in der Kriegsgesellschaft. S. 27.

60 Цит. по: Ulbrich V. Die Hamburger Arbeiterbewegung vom Vorabend des Ersten Weltkrieges bis zur Revolution 1918/19. S. 14.

61 Eildermann W. Jugend im Ersten Weltkrieg — Tagebücher, Briefe, Erinnerungen. Berlin: Dietz, 1972. S. 61; цит. по: Müller S.O. Die Nation als Waffe und Vorstellung. S. 65.

62 Unsere Kirchengemeinden während der Kriegszeit // Monatszeitschrift für Pastoraltheologie. 2. Kriegsheft (November 1914). S. 50 f; цит. по: Verhey J. Der «Geist von 1914». S. 162.

63 О судьбе семьи еврейских предпринимателей Лёви см.: Steuer A.D. Lettern für das Vaterland // Spiegel online. 2007. Oktober 11. (http://einestages.spiegel.de/static/topicalbum-background/429/lettern_fuer_das_vaterland.html).

вание»⁶⁴. Бесконечное повторение слов о национальном единстве и сплоченности в общественных дебатах на самом деле, согласно убедительной аргументации Джеффри Ферхай, указывало на глубокий раскол внутри немецкого общества⁶⁵. Эта внутренняя разобщенность была очевидна уже в 1914 году. «Августовское переживание» было средством не преодолеть ее — скорее, скрыть. Уже в 1924 году Курт Тухольский, вспоминая о «духе 1914 года», язвительно замечает, что «волны опьянения, которые прошли по стране десять лет назад, оставили после себя похмельные толпы» и «нет никакого средства избавиться от похмелья, кроме как снова напиться». Люди, считал Тухольский, не вынесли ничего из опыта войны, и «духовная основа, на которой стоит сегодняшняя Германия», отвечает, скорее, годам грюндерства:

С тех пор обходят нашу страну переживания, возвышающие душу масс. И эта война также не была таким переживанием. Она превратила тело в труп, в то время как дух остался совершенно нетронутым. 1879—1914—1924: годы изменили только терминологию. 1914 год — логическое следствие эпохи грюндерства. С тех пор ничего не изменилось⁶⁶.

Этим циничным диагнозом Тухольский ставит под вопрос значение 1914 года как поворотного пункта в новейшей немецкой истории. В то же время столь резкое сопоставление двух эпох, с которым едва ли согласилось большинство историков, противоположно восприятию «августовского переживания» многими современниками, считавшими себя свидетелями эпохального события и переломного момента мировой истории.

Ни одно историческое исследование не оспаривает значимость 1914 года в немецкой и мировой истории, отделяющего «длинный» XIX век от «короткого» XX века, — ни одно историческое исследование всерьез не оспаривает значимость этой даты. Вопреки тому, что утверждает Тухольский, именно коллективный опыт индустриальной войны, превращающей тела в трупы, должен был отпечататься на европейских обществах и изменить их. Ощущения единства и общественного подъема августа 1914 года, когда люди верили, что «в отечестве больше несть ни эллина ни иудея, ни верующих, ни неверующих, а есть только немцы», уже к 1918 году стали лишь утопическим воспоминанием. Еврейский предприниматель Эрнст Лёви, последний владелец бронзолитейного цеха, отлившего в 1916 году патриотические буквы для Рейхстага, в 1939 году был лишен собственности, а в 1944 году убит в Освенциме.

Пер. с нем. С. Луговика

64 Bruendel S. Volksgemeinschaft oder Volksstaat. S. 67.

65 Verhey J. Der «Geist von 1914». S. 224.

66 Tucholsky K. Der Geist von 1914 // Idem. Gesammelte Werke / M. Gerold-Tucholsky, F.J. Raddatz (Hrsg.). Bd. 3: 1921—1924. Reinbek: Rowohlt, 1989. S. 426—431, особенно S. 426.

Петр Дружинин

ГОДОВЩИНА ПОБЕДЫ ИЛИ НАЧАЛО НОВОЙ ВОЙНЫ?

*Доклад А.А. Жданова 16 августа 1946 года
как символ поворота СССР к биполярному миру*

Он и праведный и лукавый,
И всех месяцев он страшней:
В каждом августе, Боже правый,
Столько праздников и смертей.

А. Ахматова. «Август»

Закончена Вторая мировая война. Идет демобилизация. Военные годы были не только временем тяжелых испытаний — они стали и годами освобождения от удушающих цепей предвоенного сталинизма, а эйфория грядущего «просветления и освобождения» стала главной составляющей чаяний народа-победителя после мая 1945 года. То не был призрак; действительно, оживают омертвевшие международные связи — как культурные, так и научные; хлынувшие во все кинозалы страны трофейные киноленты погружают изможденного тяготами военных лет зрителя в пучину страстей совершенно забытой, а для многих и неведомой заграничной жизни; национальная гордость вздымается на невиданные высоты. Наконец-то страна победившего пролетариата не против всех, а вместе со всеми.

Но такое развитие событий устраивало не всех. Впрочем, в отечественной истории понятие «все» эвфемистично — чаще всего это один человек, под ухо, вкус, настроение, мысли которого подстраиваются миллионы. Оказалось, что у этого «одного» совсем не идиллическое настроение. Причина крылась в том, что, победив фашизм, Страна Советов не стала властвовать над миром. Это сделалось окончательно ясно в августе 1945 года: 16 июля США провели в Лос-Аламосе успешное испытание атомной бомбы, 6 августа бомбардировке подвергся город Хиросима, а 9 августа — город Нагасаки. Формально это была помощь США союзникам, которая приблизила капитуляцию Японии, объявленную 15 августа и подписанную 2 сентября. Фактически же с августа 1945 года Соединенные Штаты Америки превратились в самую сильную страну в мире.

«Нет более уязвимых людей, чем победители. Одержав победу и не ощутить самодовольства. Ощутить самодовольство и не проникнуться враждебной подозрительностью...»¹ Началась многолетняя борьба за мировое господство, почти на полвека разделившая мир на два лагеря. Выяснилось, что демобилизация — не окончание войны, а конверсия предприятий — не конверсия политики. Новая война стала реальностью; но велась она не бомбами — линия фронта биполярного мира второй половины XX века удерживалась другим оружием, которое, как и свою атомную бомбу, нужно было выковать как можно быстрее. Речь об идеологии, которую требовалось привести в боевую готовность.

1 Тендряков В. Охота: Рассказ / Публ. Н. Асмоловой // Знамя. 1988. № 9. Сентябрь. С. 89.